

ФЕНОМЕН «ХАРИЗМЫ ВЛАСТИ» В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

Екатерина Георгиевна Постникова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (МГТУ), г. Магнитогорск, Россия
E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Аннотация. По мнению автора статьи, в повести «Село Степанчиково и его обитатели» Ф.М. Достоевский впервые ставит задачу исследования феномена «харизмы власти», психологии харизматического лидера, тайны психологического превосходства и подчинения. Герой повести, усвоив принцип асимметрии в поведении властных и подвластных, присвоив себе знаки власти и верно выбрав «почву» для отработки приемов психологического давления, самозванно «выделяется» в харизматика («неистинная харизма»). Автор исследует феномен самооборачиваемости раба в тирана.

Ключевые слова: Достоевский Ф.М., власть, харизма, мифопоэтика, мифология власти.

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» (1859 г.) является важным этапом в разработке Достоевским темы власти. В ней впервые точно и определенно ставится задача исследования феномена «харизмы власти», психологии харизматического лидера, тайны психологического превосходства и подчинения. Недоумевающий повествователь спрашивает: «...ведь есть же что-нибудь в этом человеке? Ведь есть же причина, по которой ему все поклоняются?» [Достоевский, т. 3, с. 29]¹. Под «этим человеком» имеется в виду один из главных героев повести Фома Фомич Опискин.

Наслышанный о деспотизме и безграничной тирании, устроенной в доме дяди, за его же счет проживающим, то есть фактически являющимся его нахлебником и приживальщиком, Фомой, племянник, он же повествователь, заранее пытается разгадать загадку «самовластия» этого человека. Сразу становится ясно, что «властная харизма» Фомы Фомича досталась ему не от отца, то есть перешла к нему не по роду, не с титулом. О его происхождении говорится, что родитель его «был столбовой дворянин, неведомо откуда, неведомо кто», «по господам проживал, при милости на кухне пробавлялся» [с. 23].

Один из первых вопросов, которые совершенно резонно задает рассказчик

¹ Далее цитируется по данному изданию с указанием страниц цитируемого текста.

своему собеседнику Бахчеву, звучит так: «позвольте вас спросить, что он красив, умен?» [с. 25]. Видимо, наивный юноша предполагает в Фоме Фомиче встретить необыкновенно умного и красивого человека, то есть в нашей терминологии харизматика «по природе». Только наличием природных достоинств готов себе объяснить власть воспитанный в секуляризованной культуре «ученый» молодой человек. Ответ его несколько обескураживает: «Писанный красавец! Слышите, добрые люди: красавца нашел. Да он на всех зверей похож, батюшка, если уж все хотите доподлинно знать. И ведь добро бы остроумие было, хоть бы остроумием, шельмец, обладал, – ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрепя сердце для остроумия-то, а то ведь и остроумия никакого!» [с. 25]. Таким образом, уже в самом начале повести проводится мысль о том, что внешняя красота и ум не являются необходимыми атрибутами власти.

Обыденное провинциальное сознание, проводником которого выступает в данном случае Бахчев, выдвигает свое объяснение феномену обожания (обожения) «отставного шута». «Просто выпить им дал чего-нибудь всем физик какой-то?», – продолжает Бахчев [с. 25]. Несмотря на внешнюю комичность образа Бахчева, на иронический оттенок выдвинутого им предположения, нельзя упускать из вида, что здесь могли отразиться древние представления о ма-

гической природе власти. Тем более что магическая природа странной власти Фомы Фомича подчеркивается еще в нескольких высказываниях. Так, о генеральше говорится: «...из ума совсем выжила: не надышит на Фомку треклятого. (...) *Зачитал* он ее, то есть как есть *бессловесная женщина сделалась...*» [с. 24]. «Ведь он и меня *обморочил. Всезнай!* Всю подноготную знает, все науки произошел! Капель он мне давал...» [с. 24]. Итак, мистическая власть «треклятого Фомки» над окружающими объясняется тем, что он их «обморочил», «зачитал», «выпить дал чего-нибудь», «капель давал». При этом научные знания (химия, физика) выступают в роли магического, колдовского знания, а их носитель в роли ведуна, шамана. Много раз в повести подчеркивается особое влияние на окружающих его слова, способность вводить в транс особым ритмом речи: «и уж как начнет ученым своим языком колотить, так уж та-та-та! Та-та-та!...» [с. 25].

Все вышеотмеченные высказывания о Фоме Опискине, связывающие его «самовластие» с древними представлениями о магической силе власти, можно было бы считать просто фигурами речи, тропами, если бы не отдельные очень важные моменты, которые можно объяснить только проникновением автора в глубинные пласты человеческого сознания. Так, например, некоторые абсурдные, на первый взгляд, поступки Фомы Фомича актуализируют

архетипическую корреляцию власти и времени. В древних культурах власть наделяется особым даром управлять временем, способностью связываться с прошлым, контролировать настоящее и предвидеть будущее. Как отмечает современный исследователь В.В. Бочаров, «...представления о взаимосвязи власти и времени, с жесткой закономерностью обнаруживающиеся в различных культурах, возникли на самых ранних этапах человеческой истории и являются, таким образом, одним из характернейших свойств собственно социальности» [Бочаров 2006а, с. 273].

По представлениям древних, именно властители (вожди, цари) контролировали круглогодичный календарный цикл и ход полевых работ. В порыве самоифологизации «ученый» Фома выражает абсурдную, на первый взгляд, претензию на управление временем, изменение мест дней недели: «Да Фома велел раз быть вместо четверга середе, так они там, все до единого, четверг середой почитали. *“Не хочу, чтоб был четверг, а будь середа!”*. Так две середы на одной неделе и было» [с. 24]. Герой не только меняет местами дни недели, но посягает и на церковный календарь, по своей прихоти празднуя свои именины в день святого Илии (Ильин день): «Завтра Ильи-пророка (господин Бахчеев перекрестился): Илюша, сынок-то дядюшкин, именинник. (...) Фомка

претит: “Зачем, дескать, начали заниматься Илюшей? На меня, стало быть, внимания не обращают теперь!” А? каков гусь? восьмилетнему мальчику в тезоименитстве позавидовал! “Так вот нет же, говорит, и я именинник!” *Да ведь будет Ильин день, а не Фомин!* “Нет, говорит, я тоже в этот день именинник!” Смотрю я, терплю. Что ж бы вы думали? Ведь они теперь на цыпочках ходят да шепчутся: как быть? За именинника его в Ильин день почитать или нет, поздравлять или нет? Не поздравить – обидеться может, а поздравь – пожалуй, и в насмешку примет» [с. 27]. Берет воцарившийся приживальщик на себя и функцию пророка, предсказателя будущего и толкователя снов: «...отчасти *предсказывал будущее*; особенно хорошо умел толковать сны», – за что и был почитаем на женской половине дома и заслужил «большое уважение в глазах генеральши» [с. 8]. Вмешивается Фома и в ход полевых работ: «Мало-помалу Фома стал вмешиваться в *управление имением* и давать мудрые советы. Эти мудрые советы были ужасны. Крестьяне скоро поняли, в чем дело и кто *настоящий господин*, и сильно почесывали затылки» [с. 15].

Особая роль Властителя, которую играет Фома в своем кругу, закрепляется с помощью символов власти. Под символами власти мы будем понимать не только некие материальные предметы (знаки), но и модели поведения, маркирующие место, занимаемое

индивидом в общественной иерархии [Бочаров 2006б, с. 275]. Вот примерный набор поведенческих моделей, отчасти сочиненных и навязанных «семье» самим Властителем, отчасти заимствованных из богатой традициями русской бюрократической культуры и являющихся, по сути, властным этикетом.

Вход Властителя (даже в гостиную, где собралась его семья для чаепития) возвещает слуга: «Фома Фомич, – возвестил Видоплясов, входя в комнату» [с. 59]. При этом Властитель всегда немного «запаздывает», появляется внезапно, входит молча, не здороваясь, и появление его встречается всеобщей тишиной и сосредоточенным вниманием: «Он подошел к незанятому креслу, придвинул его к столу и сел, *не сказав никому ни слова*. Мгновенно исчезли вся суматоха, все волнение, бывшие за минуту назад. *Все притихло* так, что можно было слышать пролетевшую муху. Генеральша *присмирела*, как агнец. Все подобострастие этой бедной идиотки перед Фомой Фомичом выступило теперь наружу. Она не нагладелась на свое нещечко, впила в него глазами. Девушка Перепелицына, ослабляясь, потирала свои ручки, а бедная Прасковья Ильинична заметно *дрожала от страха*. Дядя немедленно *захлопотал*» [с. 75]. Мы видим строгое соблюдение принципа «короля играет свита».

Властителя нельзя перебивать. «Удивляюсь

я, что вы всегда как-то систематически любите перебивать меня, полковник, – проговорил он после значительного молчания, не обратив на меня ни малейшего внимания» [с. 66]. Заметим, что на протяжении всей повести Фома Фомич требует почтительной тишины во время своих речей и при этом постоянно перебивает хозяина дома, не слышит его. Нарушая принятый в дворянском обществе этикет, он устанавливает свой личный этикет властных отношений. При этом соблюдается принцип асимметрии поведения властвующих и подвластных: подвластным запрещено делать то, что позволяет себе Властитель.

Нельзя садиться за стол и начинать трапезу без Владыки: «Без Фомы к столу не смей сесть, а сам не выходит (...) Чуть сядут, он тут и явится; опять пошла скрипка пилить: “Зачем без меня сели за стол”» [с. 27]. Фома в буквальном смысле слова претендует на роль Отца родного, отведенную родителю в русском семейном бытовом этикете (см.: [Славянская мифология, с. 176-178]).

Нельзя смотреть в глаза распекающему тебя Властителю. «Объясните же мне, с своей стороны, каким образом вы в состоянии *смотреть мне теперь прямо в глаза?*», – замечает Фома «провинившемуся» полковнику Ростаневу [с. 136].

Все вышеперечисленные правила, при всей их внешней абсурдности и иронии автора-повествователя, опираются на древниетабу

(запреты), принятые в вархаических обществах по отношению к властителю (вождю-царю): табу на прикосновение (общение) к вождю, на прикосновение к принадлежащим ему предметам и пище. Эту атмосферу запретов (табу), установленных в доме Ростанева, главный из которых – табу на искреннее проявление чувства любви к кому-либо, кроме самого Владыки, сразу ощущает приехавший из Петербурга племянник: «Ей, видимо, хотелось обнять меня после долгой разлуки и, разумеется, тут же расплакаться, но она не смела. *Все здесь, казалось, было под каким-то запретом*» [с. 67].

Поклон при встрече с Властителем. Своего апогея власть домашнего тирана достигает в истории с «его превосходительством», когда Фома Фомич заставляет полковника Ростанева именовать себя «вашим превосходительством», что для полковника равносильно «высшему посягновению», то есть «посягновению» на высшую сакральную власть: «Но, Фома, ведь это уже было, так сказать, высшее посягновение, Фома» [с. 87]. Посвящение Фомы в сан «вашего превосходительства», принятие им генеральского титула должно было сопровождаться особым знаком лояльности, принятым в русской чиновничьей культуре: «Надеюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вам *слегка поклониться и вместе с тем склонить вперед корпус*. С генералом говорят, склоняя вперед корпус, выражая

таким образом почтительность и готовность, так сказать, лететь по его поручениям» [с. 88]. Внешний знак лояльности воспринимается наблюдающим эту сцену племянником как проявление высшей степени уничтожения, с одной стороны, и тирании («истязания» [с. 88]) – с другой. В момент, когда «дядя» называет Фому «превосходительством», именем «высшей» власти, тот ею и становится. Происходит «интронизация» «проклятого Фомки». Наименование титулом «ваше превосходительство» есть акт номинации, магический по своей сути акт, вызывающий к жизни самоосвященное «Высшее» лицо.

Итак, мы увидели, что любая, а тем более вышедшая «из грязи» власть остро нуждается в символизации своего статуса. В данном случае символ приоритетен по отношению к реальности, претендует стать этой реальностью. Подмеченные Достоевским знаки власти и паттерны лояльности, демонстрируемые ей подвластными, не просто маркируют власть, но и организуют, оформляют, а иногда и замещают ее. То есть символы власти становятся, по сути, самой этой властью, ей тождественными.

Зададимся вопросом: на какую именно власть покушается Фома Опискин? Какой именно тип власти пытается собой олицетворить?

Для описания власти Фомы в тексте используются следующие образы-символы:

– Царь («непонятно такое наглое *воцарение* Фомы Фомича в чужом доме» [с. 13], «словом, было ясно, что Фома Фомич *воцарился* в этом доме *навек* и что тиранству его теперь уже не будет конца» [с. 158]);

– Отец («А теперь полковник-то, дядюшка-то, отставного шута заместо *отца родного* почитает...» [с. 24], «Я вам говорю теперь как *отец*, как нежная *мать*...» [с. 29]);

– Духовное лицо (Патриарх). Функция духовного лица, посланца божьего проявляется в претензии на «просвещение»: «Прежде кто вы были (...) А теперь я заронил в вас искру того небесного огня, который горит теперь в душе вашей» [с. 16]. Функцию духовного отца (наставника, духовника) Фома берет на себя, когда соединяет полковника Ростанева с его возлюбленной, благословляя их на брак, освящая их союз: «Соединяю и *благословляю вас* (...) И на колени, *дети моего сердца*, на колени перед нежнейшею из матерей» [с. 150]. Следует авторский комментарий: «...союз, благословенный Фомой, тотчас же сделался в ее глазах и приличным и *священным*» [с. 151]. Претензия на функцию духовного лица выражается и в постоянно педалируемой теме ночной молитвы: «он заперся и отвечал, что *молится за род человеческий* или что-то в этом роде» [с. 129], «я молился, вы это знаете» [с. 131], «Я молился за вас *целые ночи* и трепетал, стараясь отыскать ваше счастье» [с. 137] и т.д. Показательно

и убеждение Фомы в том, что общение с ним, как общение со священником-исповедником, должно оставить в душе собеседника особое благодатное ощущение: «Ну, не чувствуете ли вы теперь, что у вас вдруг стало легче на сердце, как будто в душу к вам *слетел какой-то ангел*? Чувствуете ли вы присутствие этого ангела? Отвечайте мне! (...) Как будто сердце ваше после того, как вы победили себя, так сказать, окунулось *в каком-то елее?*» [с. 88]. В качестве духовного лица Фома соединяет в себе роль пророка («Я на то *послан самим богом*, чтоб изобличить весь мир в его пакостях» [с. 139]) и культурного героя: «Посмотрю, *устрою* вас всех, *покажу, научу* и тогда прощайте...» [с. 12].

Все эти образы актуализируют власть Отца, власть в традиционном ее варианте. Даже по количеству цитат, приведенных по каждому пункту, видно, что из всех перечисленных ролей власти «излюбленной» для Опискина становится роль духовного лица. Почему именно духовное лицо? На наш взгляд, в этом образе бывшего шута, а ныне «генерала от морали» больше всего привлекает возможность олицетворять собой высшую духовность, мораль и нравственность и в таком качестве беспрепятственно покушаться на душу человека, узурпировать монопольное право безграничного нравственного угнетения окружающих. Чувствуя сжигающую потребность в моральном владычестве,

Фома изобретает властные преимущества фактически из ничего: «Единственно для того, чтоб просветить ваш ум, развить вашу нравственность и облить вас лучами новых идей, решился я требовать от вас генеральского титула» [с. 87].

Исследователями отмечено, что Фома Опискин представляет собой классический тип морализатора, откровенно паразитирующего за счет этических плодов морали (см.: [Соина, с. 53-65]). При этом сама мораль «начинает восприниматься как некое предметное *орудие власти*, карающий меч духовного правосудия или же универсальное средство многообразных административных репрессалий» [Соина, с. 60]. В качестве орудия духовной власти морализатором Фомой активно используется возведенное на пьедестал нравственное страдание за несовершенство этого мира: «с замиранием моего сердца я следил за вами. Если хотите узнать о том, *как я страдал*, спросите Шекспира: он скажет вам в своем “Гамлете” о состоянии души моей» [с. 147].

Парадоксально, но метафора рабства (образ раба) становится еще одним орудием, с помощью которого Фома расчищает себе дорогу к власти. Вообще тираны по разным причинам любят поиграть в рабов, а русские тираны в особенности (вспомним хотя бы игру Ивана Грозного в Парфения Уродливого). Игра в раба, в униженное состояние (которого в данный момент на самом деле нет) Фомой

Фомичом используется для нравственного тиранства над ближними. Эксплуатация позы униженного (меня обижают, потому что я беден, я раб) содержит в себе расчет на христианскую этическую норму, на идею равенства перед Богом. «Но понимаете ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете ли, что вы стали виноваты передо мной даже тем, что давали мне здесь кусок хлеба? Понимаете ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядом все те прошедшие *куски*, которые я употребил в вашем доме? Вы попрекнули меня сейчас *этими кусками, каждым глотком этого хлеба*, уже съеденного мною; вы мне доказали теперь, что я жил *как раб* в вашем доме, как лакей, как обтирка ваших лакированных сапогов! А между тем я, в чистоте моего сердца, думал до сих пор, что обитаю в вашем доме как друг и как брат!», – упрекает Фома Ростанева [с. 85]. Другой вариант этой темы: «Меня могут счесть *за вашего раба, за приживальщика*. Ваше удовольствие унижать меня перед незнакомыми, тогда как я вам равен, слышите ли? равен во всех отношениях» [с. 73].

Парадоксальная логика морализаторства ставит все «с ног на голову». Благодетелю вменяется в вину каждый кусок хлеба («глоток хлеба»), съеденный приживальщиком. Обратим внимание на образ куска хлеба («глотка хлеба») как символ униженного состояния. Здесь уместно будет напомнить, что пища всегда была маркером властных

отношений. Пищевые запреты оформляли социально-политическую иерархию в обществе [Бочаров 2006в, с. 184]. Так, социально-дифференцирующая функция пищи в русской культуре отчетливо прослеживается, например, в легендах о царях-освободителях. В них обязательно отмечалось, как царь ест, пьет. Эти сведения несли информацию об истинности его царского происхождения. Легенда о царе Павле Петровиче говорила о том, что царь тайно жил среди народа, «был у севрюг кашеваром, кормил казаков, прислуживал им, но каждый раз невольно приносил: “Царь сухари ест”. Сухари составляли пищу простых людей» [Железнов, т. 3, с. 302]. Таким образом, сухари, черный хлеб – это пища простого люда (рабов, а не господ).

Обратим в связи с этим внимание на стол в «Селе Степанчиково». Что ест ныне «полновластный владыка», а в прошлом униженный «раб» Фома Опискин? Казалось бы, согласно особому положению, которое занимает в момент рассказа Фома в доме полковника Ростанева, его стол должен ломиться от яств. Наши читательские ожидания вполне совпадают с логикой рассказа: «Но покамест скажу, что с Фомой именно сбылась пословица: посади за стол, он и *ноги на стол*. Наверстал-таки он свое прошедшее. (...) Хвастался он до нелепости, ломался до невозможности, *требовал птичьего молока*, тиранствовал без меры» [с. 125]. Отметим

здесь, что «птичье молоко» в данном случае является символом принадлежности к высшей иерархии. Еще раз образ-символ «птичье молоко» возникает в главе «Фома Фомич созидает всеобщее счастье», когда Бахчеев на волне всеобщего восторга приглашает всю компанию к себе на обед: «То есть вот как пообедаем, – заранее не похвалюсь, а одно скажу: *только птичьего молока для вас не достану!* Великое слово даю!» [с. 157].

Но если посмотреть внимательнее, то можно обнаружить, что вопреки нашим читательским ожиданиям, на протяжении всей повести Фома Фомич не то что «птичьего молока», простой кулебяки не съедает. Несмотря на явно существующее в селе Степанчиково продуктивное изобилие, несчастному Фоме приходится довольствоваться сухой хлебной коркой («Сказали, что они в уединении чаю напьются, а потом прибавили, что они и *сухой хлебной корочкой* могут быть сыты, да-с» [с. 53], щами с побоями («может ли он остаться в доме неблагодарности и есть щи, хоть и сытные, но приправленные побоями» [с. 154]). В момент изгнания Фома Фомич «крошки хлебца-с с утра в рот не брали и что они теперь *натощак-с*» [с. 148]. В течение всей повести Фома Фомич несколько раз под различными предлогами отказывается от предлагаемой ему еды и питья. «Сперва напоят тебя ядом, а потом спрашивают, не хочешь ли закусить? Сердечные раны хотят залечить какими-нибудь отварными грибочками или мочеными

яблочками!» [с. 90]. Отказывается Фома и от вина: «Генеральша бросилась было к нему сбутылкой малаги (...), но Фома величественно отвел рукой и малагу и генеральшу» [с. 149]. И в конце концов объявляется, что «Фома Опискин будет *сыт одним благородством своей души*» [с. 89].

С одной стороны, такой декларативный отказ от пищевого изобилия и педалирование темы «корочки хлеба» работает на образ «духовного отца», проводящего свои дни и ночи в посту и молитве за ближних. С другой стороны, если принять во внимание социальную функцию пищи в культуре, то, конечно, с помощью «корочки хлеба» как символа нищеты еще раз актуализируется тема рабства.

Зададимся вопросом, почему метафорика рабства, унижения, скитальчества с таким навязчивым постоянством снова и снова возникает в «Селе Степанчиково» в связи с образом Фомы Опискина? В энциклопедии «Мифы народов мира» находим подсказку: «Раб, слуга, шут как особый персонаж противопоставлен мифологическому царю и часто равнозначен шутовскому царю и господину; в обрядовой сфере роль раба характерна для периодических ритуалов, во время которых происходит переворачивание социальной иерархии, когда роль властителя исполняют обладатели низкого социального ранга и наоборот» (см.: [Мифы народов мира, т. 2, с. 360]). Тема рабства в «Селе

Степанчиково» неразрывно связана с темой власти (в древнем мифологическом варианте – власти подменного царя, а в карнавальном – царя-шута).

Как низовые существа рабы выполняют в мифе роль хтонических персонажей. По своей семантике раб – персона смерти, как царь – персона жизни [Мифы народов мира, т. 2, с. 360]. В повести не раз упоминается, что в прошлом Фома был шутком генерала Крахоткина и «для его генеральской потехи, различных зверей из себя представлял» [с. 8], т.е. играл роль ряженого. Известно, что в народных обрядах ряженные изображали персонажей потустороннего мира или нечистую силу [Славянская мифология, с. 343]. Напомним, как персонажи повести комментируют внешность Фомы: «на всех зверей похож» [с. 25]. Зверь имеет совершенно однозначные коннотации для христианского сознания (Откр. 11:7, 13:1-8). Мертвящее начало обнаруживается и в особенностях морализаторства Фомы: в формализации этических христианских законов, вплоть до полной подмены их при сохранении внешнего родства, борьбой с живой жизнью («Высочайшая любовь к человечеству сделала меня в это время каким-то бесом гнева и мнительности. Я готов был кидаться на людей и терзать их» [с. 148]). Жизнь в этой повести олицетворяет антипод Фомы полковник Ростанев (его любовь к детям, к Настеньке, к племяннику, матери, слугам, крестьянам

и т.д.). Такое жизнелюбие, жизнеутверждение выдает в нем истинного, свергнутого на время царя. И, как и положено временно отсутствующему царю, он обязательно вернется, свергнет самозванца, отвоюет трон, царство и жену, что и происходит в последних главах повести.

Другим вариантом образа раба является шут (дурак). Тема шутовства в ее связи с образом главного героя обнаруживается с самого начала повести. Повествователь пытается разгадать загадку перевоплощения шута в царя, Фомки в Фому Фомича («непонятно такое наглое воцарение Фомы Фомича в чужом доме; непонятна эта *метаморфоза из шута в великого человека*» [с. 13]). «Треклый Фомка» начинает свой жизненный путь как изгой, «ничтожный», «малодушный», «выкидыш из общества», «никому не нужный», «совершенно бесполезный», «совершенно гаденький», «ничем не одаренный», «полное ничтожество» [с. 11], «приживальщик из хлеба», «шут» [с. 7] и заканчивает ее, как мы уже видели, Царем, Отцом, Патриархом. Параллельно с этим в повести существует и другая загадка. Как человек, который во время «фомкинского» «шутовства» служил Отечеству и дослужился до полковника, благородный и добрейший отец семейства, русский помещик, достаточно состоятельный, превращается вдруг в «дурака» («Ну, говорю, видал ты когда-нибудь дурака» [с. 72]), «глупца» («Я ведь глуп – сам чувствую, что глуп» [с. 17]),

«вахлака» («...не чета мне, вахлаку» [с. 11]). Отчасти такие метаморфозы можно объяснить логикой карнавала.

Изучая карнавализацию в литературе, М.М. Бахтин заметил о «Селе Степанчиково»: «Вся жизнь в Степанчикове сосредоточена вокруг Фомы Фомича Опискина, бывшего приживальщика-шута, ставшего в усадьбе полковника Ростанева неограниченным деспотом, то есть *вокруг карнавального короля*. Поэтому и вся жизнь в селе Степанчикове приобретает ярко выраженный карнавальный характер. Это жизнь, вышедшая из своей нормальной колеи, почти “мир наизнанку”» [Бахтин, с. 219].

Конечно, здесь необходимо оговорить, что причины такого самозванного воцарения очень недалекого, но властолюбивого человека можно увидеть и в характере хозяина дома Ростанева. «Я говорил о дяде. Без объяснения этого замечательного характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцарение Фомы Фомича в чужом доме; непонятна эта метаморфоза из шута в великого человека», – утверждает рассказчик [с. 13]. Повествователь отмечает такие черты героя, как доброту, детскость, благородство, «целомудрие сердца», деликатность, жертвенность. Характерно, что в мире данности эти черты воспринимаются как слабость: «Иной бы назвал его и малодушным, и бесхарактерным, и слабым» [с. 14]. Некоторая наивность, отсутствие критического взгляда,

легковерие хозяина Степанчикова провоцирует «шельмеца» Опискина на самозванство.

Полковник Ростанев абсолютно не иерархический человек, он «христов человек». У него все – «друзья» и «братья». Он не вписывается в иерархию, не знает законов властного подчинения себе, не умеет подавлять харизмой. Какой из него властитель? В статье «Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен» Б.А. Успенский отмечает: «Наиболее яркие самозванцы появляются тогда, когда нарушен естественный (родовой) порядок престолонаследия и тот, кто реально занимает трон, может, в сущности, сам трактоваться как самозванец» [Успенский, т. 1, с. 150]. В какой-то степени всю ситуацию с унижением Ростанева, с превращением его в «дурака» спровоцировала и мать героя, которая в своих отношениях с полковником актуализирует мифологему «непочтительный сын»: «*непочтительный эгоист*, ее сын»; «Карету, лакеев и кресла содержал *непочтительный сын*, посылая матери последнее, закладывая и перезакладывая имение [с. 6].

Однако логикой карнавала невозможно объяснить все в этой повести. Многие вопросы так и остаются без ответа. Почему бывший раб непременно становится тираном? В чем причина добровольного подчинения (психология повиновения) свободных людей власти (даже тиранству)? В чем заключается харизма власти? Откуда она берется? И т.д.

Опираясь на архетипический сюжет воцарения и разоблачения карнавального царя-шута, Достоевский в «Селе Степанчиково» приступил к разработке важнейших для него тем духовной власти и амбивалентного феномена тиранства – рабства. Используя семантику карнавала, писатель выходит на более важную для русской истории и русской литературы тему самозванства.

Парадоксально, но, несмотря на то, что все окружающие видят самозваную природу Фомы Фомича, на то, что с самого начала повести он несколько раз разоблачается (Бахчевым, Сашей, Григорием), наконец, несмотря на «тумаки» дяди, он все-таки воцаряется в доме Ростанева окончательно и бесповоротно. В «Заключении» читаем: «Торжество Фомы было полное и непоколебимое (...) было ясно, что Фома Фомич *воцарился* в этом доме *навек* и что *тиранству* его теперь уже не будет конца» [с. 157]. «Ударившийся оземь» и по всем правилам жанра развенчанный «царек» даже находит новых адептов: «Новообращенный Степан Алексеевич, кажется, задушил бы меня, если б мне вздумалось сказать при нем что-нибудь непочтительно про Фому Фомича» [с. 157].

А это значит, что мы не можем отказать герою в некоторой властной харизме, присущей ему. И его духовную власть над окружающими, его способность обольстить и покорить невозможно объяснить просто игрой общества в царя-шута. Харизма

Опискина (назовем ее «неистинной») искусственно создана. Она артефакт, результат многолетних наблюдений за харизматиками, которым служил Опискин. «Треклятый Фомка», можно сказать, самостоятельно и самозвано «выделался» в харизматика, усвоив принцип асимметрии в поведении властных и подвластных, присвоив себе знаки власти и верно выбрав «почву», на которой можно безнаказанно отрабатывать приемы и правила психологического давления. Такая искусственная харизма внутренне всегда уязвима, труслива, истерична, гибка и в любой момент готова обернуться чем-то другим. Харизма «неистинного» властителя заключается в умении превращать «минусы» в «плюсы», «поражение в победу», подстраиваться под обстоятельства, идти даже на некоторые уступки, но всегда оставаться у власти. Вот и Фома идет на некоторые «уступки»: «Вообще нужно заметить, что Фома хоть и куражился, хоть и капризничал в доме дяди по-прежнему, но прежних деспотических и наглых распеканий, какие он позволял себе с дядей, уже не было. Фома жаловался, плакал, укорял, попрекал, стыдил, но уже никогда не бранился по-прежнему, не было таких сцен, как “ваше превосходительство”, и это, кажется, сделала Настенька» [с. 164]. Несколько забегая вперед, отметим здесь, что у Достоевского «неистинные» харизматики гораздо более властолюбивы и у власти жестоки, чем природжденные, которые собственную харизму

порой просто не замечают, как Раскольников, или от нее отказываются, как Ставрогин и Версилов.

В основе такой самозвано присвоенной «неистинной» харизмы – зависть. Агрессивная бездарность ни с чем не воюет так последовательно и беспощадно, как с идеей духовного равенства. Фома заявляет Ростаневу: «Но равны ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, так сказать, раздавил вас своим благородством, а вы раздавили сами себя своим унижительным поступком? *Вы раздавлены, а я вознесен. Где же равенство?*» [с. 86]. От самовознесения царя-шута Фомы Опискина остается один шаг до теории «избранных» и «рабского стада» Петра Верховенского и Великого инквизитора. Духовное приживальщичество всегда внутри себя содержит зависть к тому, за счет кого оно существует, и в любой момент готово обернуться самозванством. Образ Фомы Фомича предвосхищает появление в творчестве Достоевского «серых кардиналов» Петруши Верховенского и Великого Инквизитора.

Начиная с «Села Степанчиково» под пристальное внимание Достоевского попадает феномен самооборачиваемости раба в тирана. «*Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет.*» Фому угнетали – и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать; над ним ломались – и он стал над другими ломаться. Он был шутком, и тотчас же ощутил

потребность завести и своих шутов. Хвастался он до нелепости, ломался до невозможности, требовал птичьего молока, *тиранствовал без меры*, и дошло до того, что добрые люди, еще не быв свидетелями всех этих проделок, а слушая только рассказы, считали все это за чудо, за наваждение, крестились и отплевывались» [с. 13]. Справедливости ради стоит отметить, что такая потенциальная готовность «титуляришки» в любой момент обернуться в грозное «Его превосходительство» и упиться властью над окружающими подмечена еще Гоголем. «Стоит лишь Акакию Акакиевичу обменяться со “значительным лицом” возможностями власти, как меняется и их социальное поведение, человеческое же – униженность одного и жестокость другого – остаются в сумме неизменяемы, лишь переходя от одного к другому вместе с новым общественным положением», – отмечает современный исследователь [Андреев, с. 349].

Мы можем утверждать, что в произведениях, в которых сильно сатирическое начало, художник (Достоевский, как и до него Гоголь, а чуть позднее Салтыков-Щедрин) неизменно выступает в роли ремифологизатора власти, то есть интуитивно нащупывает и достает из коллективного бессознательного нации архаические законы властных отношений. Достоевский в «Селе Степанчиково» описывает принципы организации власти, подмечает поведенческие стереотипы власти и подвластных, воспроизводит

негласный этикет взаимодействия между соподчиненными элементами в обществе, актуализирует древние мифологемы, связанные с архетипической корреляцией власти и времени, власти и возраста. Пристальное внимание уделяется так называемым «знакам» власти. Одновременно Достоевский выступает в роли демифологизатора власти, подключая к ней образ самозванца (тиран-самозванец, претендующий на духовную власть над окружающими, появляется в тесном патриархальном мире отдельно взятой семьи в «Селе Степанчиково»). Отметим, что Ф.М. Достоевский разработку темы власти начал исследованиями мифологии власти, но ушел в дальнейшем в философию, феноменологию власти. Уже в «Селе Степанчиково» он проявляет интерес к исследованию природы властной харизмы. Его более интересует тип «духовной» власти, психология лидерства и подчинения, амбивалентный феномен тиранства-рабства.

Литература

Андреев (Фейн) Г. Идеи либеральной интеллигенции в творениях русских писателей первой половины XIX века. М., 2005. 480 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 364 с.

Бочаров В.В. Власть и время в культуре общества // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Сост.

и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006а. С. 225-237.

Бочаров В.В. Истоки власти // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006в. С. 173-223.

Бочаров В.В. Символы власти или власть символов? // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006б. С. 274-302.

Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф.М. Полн. Собр. соч.: в 30 т. Т. 3. Л., 1872. С. 5-164.

Железнов Т.В. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. 3. СПб., 1910. 378 с.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1992. 719 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. 416 с.

Соина С.О. Моралист (опыт этической характеристики) // Человек. №4. 1995. С. 53-65.

Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 142-183.

References

Andreyev (Fejn), G. (2005). Idei liberal'noy intelligentsii v tvoreniyakh russkikh pisateley pervoy poloviny XIX veka [The ideas of liberal intelligent-

sia in the works of the Russian writers of the first half of the XIX century)]. Moscow: Strategy Publ.

Bakhtin, M.M. (1963). Problemy poetiki Dostoyevskogo [The problems of Dostoyevsky's poetics]. Moscow: Sovetsky Pisatel'.

Bocharov, V.V. (2006). Istoki vlasti [The origin of power]. In: V.V. Bocharov (Ed.), Antropologiya vlasti: khrestomatiya po politicheskoy antropologii: v 2 tomakh. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., pp. 173-223.

Bocharov, V.V. (2006). Simvol'y vlasti ili vlast' simvolov? [Symbols of power or power of symbols?]. In: V.V. Bocharov (Ed.), Antropologiya vlasti: khrestomatiya po politicheskoy antropologii: v 2 tomakh. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., pp. 274-302.

Bocharov, V.V. (2006). Vlast' I vremya v kul'ture obshchestva [Power and time in the culture of society]. In: V.V. Bocharov (Ed.), Antropologiya vlasti: khrestomatiya po politicheskoy antropologii: v 2 tomakh. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., pp. 225-237.

Dostoyevsky, F.M. (1972). Selo Stepanchikovo

i ego obitateli [The Village of Stepanchikovo and its inhabitants]. In: F.M. Dostoyevsky, Complete set of works in 30 volumes. V. 3. L: Nauka, pp. 5-164.

Mify narodov mira: entsiklopediya. (1992). [Encyclopedia of world myths]. V. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'. (1995). [Encyclopedia of Slavonic mythology]. Moscow: Ellis Luck Publ.

Soina, S.O. (1995). Moral'st (opyt eticheskoy kharakteristiki) [The moralist. An attempt of ethical characteristics]. Chelovek. 4, pp. 53-65.

Uspenskiy, B.A. (1996). Tsar' i samozvanets: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskiy fenomen [Tzar and impostor: imposture as cultural and historical phenomenon in Russia]. In: B.A. Uspenskiy, Selected works. V. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow, pp. 142-183.

Zheleznov, T.V. (1910). Ural'tsy. Ocherki byta ural'skikh kazakov. [The Urals people. Essays on the life of the Urals Kossaks]. V. 3. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".

THE PHENOMENON OF «CHARISMA OF POWER» IN F.M. DOSTOEVSKY'S SHORT NOVEL THE VILLAGE OF STEPANCHIKOVO AND ITS INHABITANTS

Ekaterina G. Postnikova – PhD, Associate Professor at Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Magnitogorsk, Russia; email: ekaterinapost@mail.ru

Abstract. The author claims that F.M. Dostoyevsky's short novel The village of Stepanchikovo and its inhabitants was the first one where the author set the task of investigating the phenomenon of «charisma of power», the psychology of the charismatic leader, the secrets of psychological superiority and submission. The author studies the phenomenon of a slave turning into a tyrant.

The central character of the novel, having internalized the principle of asymmetry in the behavior of the dominant and dependent, having appropriated the symbols of power and having selected the right «ground» for drilling in the skills of moral coercion, turns into a self-styled charismatic personality («non-genuine charisma»).

Key words: F.M. Dostoyevsky, The village of Stepanchikovo and its inhabitants, charisma, mythopoetics, mythology of power.

